

ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ

О СЕМЕЙНОМ ПЕНИИ

Только не говорите,
что у вас нет
ни слуха, ни голоса.

У меня с этим тоже
проблемы, что
не помешало окончить
музыкальную школу
по классу фортепьяно.

Впрочем, я не о школе
и не об уроках сольфеджио.

Я о том, что с появлением первого
внука (потом и второго) открылась мне
радость пения для них, заставившая пожалеть, что в свое время я мало пела сыну.

Надо было бы больше петь и для себя, и для своих дорогих...

Курирование внуков заставило меня напевать им песни того времени. Правда, перевирая слова, но с неподдельным чувством. И детки охотно подхватывали уникальную эмоциональность каждой песни: «Эх, дороги!», «Наш паровоз, вперед лети!», «Смуглянка», «Там, вдали за рекой...». Пели народные песни: «Степь да степь кругом», «Среди долины ровныя» или «Что ты спишь, мужичок?». Я «рассказывала» внукам, как на концерте в приходской школе звучала эта самая песня на слова В.А. Жуковского. Ведь ее давным-давно инсценировала моя бабушка, которая через семьдесят лет, парализованная, пыталась подпевать знакомую с детства мелодию. А как мелодична песня «То не ветер ветку клонит...»! А под «Калинку» еще и танцуется хорошо... Пели мы и озорные песни: «Эх, яблочко, да куда котисься, в губчека попадешь – не воротишься!».

Нередко возникали споры, что петь. Старшему хотелось в очередной раз с во-

одушевлением исполнить «Марш энтузиастов», а младшего, трехлетку, тянуло на «Цыганочку» с ее очень понятными – с точки зрения психологии чувств – словами: «Эх, нани-нани-нани-на! Эх, нани-нани-нани-на!..».

А сейчас как отрезало: не поем. И я теряюсь в догадках: почему, куда все ушло? Магнитофон виноват? Прекрасные диски с песнями – и детскими, и военных лет (много раз их крутили-слушали)? Караоке отбило инициативу? Или просто пришло время отдохнуть от ярких и открытых эмоциональных выплесков? Не все мне ясно...

Но сначала о выигрышах, которые дает пение в семейном кругу.

Первый выигрыш – психологический, эмоциональный

Мы все, а дети особенно, тоскуем по сильным и ярким эмоциям, и песни такой голод удовлетворяют. Бабушка моей кол-

леги не только умела играть на гитаре, ро-яле и органе, но и охотно пела двум своим внукам; причем им больше нравились взрослые песни. Ребенок готов испытывать эмоции, до которых будто бы еще не дорос, но ведь и в игре он исполняет роль взрослого. Эмоциональный голод объясняется еще и тем, что мы мало играем с детьми, стараясь быстрее их обучить, воспитать, развить. «Сколько игрушек необходимо малышу?» – задается вопросом А.С. Спиваковская. «Отвечу вам так: мало. И много-много внимания, терпения, творчества, такта, заботы и любви. Много любви...» [6]. Такой недостающей игрой во взрослую жизнь и таким проявлением любви может стать совместная песня. Опять же, кто знает, может, на бессознательном уровне происходит узнавание песен? Известно, чтобы пережить неприятность, обиду, лучше всего загрузить руки: «Когда руки работают, нервы спят». Но как пережить «приступ» счастья, острую радость? Вот здесь песня и поможет, как помогает игра на пианино, любительская, для себя. Парадоксально, но факт: у нас больше способов справиться с негативом, чем с нахлынувшим позитивом, хотя, по словам американского социолога и этнографа Маргарет Мид, «над тканью хорошего надо работать».

Второй выигрыш – интеллектуальный, когнитивный

Песня с ее обязательными повторами (и основного текста, и тем более припева!) – прекрасное средство обогащения словаря и мышления ребенка. Есть исследования (Л.А. Зубарева и др.) того, как пение помогает иностранным студентам усваивать произношение слов, погружаться в культуру другой страны. В 1978/79 учебном году я преподавала русский язык в Ханойском педагогическом институте иностранных языков. Время было непростое, в феврале начался вооруженный конфликт с Китаем. Электричества не было. На последнем уроке, когда становилось совсем темно, нам предлагали... петь. «Не плачь, девчонка, пройдут дожди!» – пели мы хором, а у моих подопечных блестели глаза, потому что вот-вот их должны были призвать в армию, они и на занятие пришли с винтовками. Впрочем, когда ситуация изменилась, мы

пели уже другие песни. Такое не забывается. Но ведь ребенок тот же иностранец. Трудно ему осваивать язык, а песня помогает. Пойте – и вам не понадобится логопед. Пойте – и запас слов ребенка вас удивит. Пойте с ним – и он будет петь для себя, переделывая знакомое: «Бабушка моя-а, взял бы я тебя-а, но в краю далеком есть у меня жена».

Третий выигрыш – воспитательный, этический

Песни очень просты, подчеркнута простота. «То, что было бы глупым, будь сказано, хорошо поется», – заметил как-то Бомарше. Кстати, Пушкин и о поэзии говорил, что она несколько глуповата, тогда как проза требует мыслей и мыслей. О песенном примитиве хорошо пишет современный исследователь Ольга Балла: «Дело даже не в том, что любовь всех касается и всех волнует. Любовь – даже безответная и несчастная – спасает человека от бессмыслия. Об этом, конечно, и высокая литература догадывается. Но высокая культура требует от человека усилий. Попса не требует ничего. Ну разве что простого внимания» [1]. Что ж, коль скоро многие советские песни отошли в прошлое, образовавшийся вакуум заполняется иными мелодиями. Но мы говорим о тех песнях, которые выдержали испытание временем.

В чем же этический эффект песни? А в том, что яркими звездами на будто бы непритязательном пространстве песенного текста проступают формулы поведения, выбора оптимального варианта поступка: «С любовью справлюсь я сама, а вместе нам не справиться», «И что положено кому, пусть каждый совершит»; «То ли, может, он со мною, то ли, может, я при нем»; «Пусть она по мне не печалится, с тем, кто сердцу мил, пусть венчается». А ведь это катарсис – острейшее переживание чужой трагедии, которая на время песни становится твоей. События в песне – условность, но чувства поющего условными не назовешь, чувства всегда всерьез.

Четвертый выигрыш – эстетический

Здесь красота и образов («Лишь по небу тихо сползла погода на бархат заката слезинка дождя»; «Бьется в тесной пе-

чурке огонь, на поленьях смола как слеза»), и старинной речи («Матушка родная, дай воды холодной, сердце мое прямо кидает в жар...»), и самой мелодии, которая будто бы повторяется, но играет все новыми отблесками («По Дону гуляет, по Дону гуляет, по До-ону гуляет казак молодой»), и самой жизни в мелочах, которые мы так часто не замечаем («Речка движется и не движется, вся из лунно-го серебра»).

Пятый выигрыш – миротворческий, семейноцентрический

Песня соединяет, объединяет поколения, это живая связь с прошлым. А собственно, почему мы всё должны изменять, отрицать? Пусть остаются песни тех лет, судьбы тех лет: история священна, на то нам даны и сердце, и интеллект, чтобы принять историю во всей ее глубине! Песня – это связь рядом живущих людей, поскольку один любит одни песни, другой – другие, и это нормально. Пение укрепляет семью, и не только самим действием, доставляющим удовольствие его участникам, но и возможностью побочного рассказа, комментария, начиная с сюжетов из истории семьи и кончая почти случайными репликами: «А я в детстве больше всего любила “Веселый ветер” Дунаевского, но ее редко исполняли, песня длинная, не вписывалась в передачи!», «Бабушка мне по утрам пела: “Мы красные кавалеристы, и про нас былинные речистые ведут рассказ”». А я не знала слов «былинники», «речистые» и пела по-своему: *былины киречистые*. И долго не могла выяснить, что все-таки значит «киречистые»! Дети любят слушать о наших неурехах. Директор музыкальной школы на занятии хора сначала говорил: «Все поют!», а потом, желая выяснить, откуда идет фальшь, добавлял: «Все поют, а Вера Харченко молчит». «Почему перед своими детьми мы часто надеваем маску непроницаемости и в то же время требуем от них откровенности? Да разве наш девчоночий и мальчишеский опыт не нужен им? Скажите, перед кем еще нужно быть максимально открытыми, если не перед своими детьми? Кому еще мы можем быть так интересны?» [3].

Шестой выигрыш – мифотворческий

Ну, не всё же будни, пусть в них светится нечто высокое, их смысл. Мы немного творим себя под песни: «И мертвые губы шепнули “Грена...”». Нет легенд, нет мифов, исчез эпос, остались в хрестоматиях оды, былины – на чем высоком строиться душе? А ведь это ежедневное строительство, ежедневная поддержка духа. Молитва – хорошо, стихотворение – хорошо, но пусть будет еще и песня.

Седьмой выигрыш – здоровьесберегающий

Петь полезно для сердца, для легких. Галина Вишневская в молодости вылечила туберкулез, уходя в лес и распеваясь, напрягая легкие. Певцы обычно живут долго, хотя не все придерживаются здорового образа жизни. Видимо, человечество запело раньше, чем начало говорить, и древние эти структуры оживают в нас, даруя здоровье. При правильной постановке голоса человек испытывает удовольствие от пения, не чувствует усталости.

Восьмой выигрыш – культуротворческий

В нашей постоянно звучащей жизни наблюдается дефицит целых пластов национальной культуры, в частности песен. Известно, как развито многоголосие в культуре Кавказа, как сохраняют традиции хорового пения в Эстонии. А что мы, русские? Исследуя родословный и мемуарный дискурсы, мы не могли не заметить, как часто авторы сочинений вспоминают пение в семье. И не только праздничное, застольное...

Интересно также, что детям пела и мужская половина семьи, например дедушки. «Дед очень хорошо пел. Голос звонкий, протяжный»; «Дедушка Гриша играл со мной в шахматы и, конечно же, специально проигрывал. Мы пели с ним песни и разучивали стихи». Любовь к пению в родословных характеризует хорошего человека, становясь свидетельством положительности. «Дедушка Федя всегда был в курсе всех наших дел, он знал, кто когда уезжает на учебу, когда мы были студентами, и не было ни одного случая, чтобы он нас не проводил на автобус, даже если мы ездили

каждый день. И в школьные годы после уроков все мы шли к дедушке и бабушке, там учили уроки, играли, а вечером дед провожал нас домой, нес портфель и журчал себе под нос песню. На деда Федю всегда можно было положиться, он был надежным человеком, и мы очень любили его». Песня была одним из элементов большого общения в семье. «Мы с бабушкой очень часто разговаривали, иногда просто сплетничали, вечером у нас во дворе собирались соседки, ее подруги. А перед сном мы обязательно пели песни, это было мое самое любимое времяпрепровождение, ведь почти с рождения я воспитывалась на этих самых песнях. С бабушкой я делилась своими самыми откровенными мыслями и мечтами, я всегда знала, что бабушка все поймет и никогда не осудит, хотя иногда мне не нравились ее советы».

Пение – неотъемлемая черта повседневной культуры казачества. Вдумаемся в следующую зарисовку из мемуаров К. Титовой: «Казачки – удивительный народ. Когда же они успевают все сделать... Рано утром подоить корову, выгнать ее в стадо, вскипятить, заквасить и спустить в погреб молоко или слить его проезжающему рано утром сборщику в зачет налога, отвести детей к родственникам и стоять уже готовыми, всегда в свежих белых платочках, в ожидании, когда подъедет телега и их повезут на стан работать. Нас отвозили вместе с ними; перекинувшись двумя-тремя фразами, казачки запеваляли и пели всю дорогу до самого стана. Отработав полдня, они по звонку быстро обедали, тут же недалеко валились на специально постеленную солому и мигом засыпали. Просыпались тоже по звонку и шли полоть кукурузу» (Титова К. От судьбы не уйдешь: Из автобиографической прозы // Новый мир. 2008. № 1). Мы бы сократили цитату, если бы не стремились увязать песенную культуру с трудовой и если бы не просматривалась связь песенного отношения к жизни и ежедневной, почти нечеловеческой выносливости и трудоспособности.

Вернемся к текстам родословных. Мы не подсказывали, о каких событиях следует писать, повествуя о родственниках, и тем не менее внутрисемейное пение упоминается достаточно часто. В этом просматривается...

Девятый выигрыш – импринтинговый, выигрыш позитивного запечатления

Согласно концепции В.Р. Дольника, мы запечатлеваем лишь отдельную картинку детства, отдельный пейзаж, обычно летний, когда нам было хорошо, отдельный образ той же мамы [4]. Будем петь – и укреплять внутренний позитив восприятия, а ведь только от положительного образа можно «заразиться» позитивом, оптимизмом отношения к дарованной тебе жизни.

Когда и что петь?

Колыбельные очень важны. Проводили эксперимент: заставляли слушать шум моря, шелест деревьев, но быстрее всех группа испытуемых засыпала под старинную колыбельную, которую низким голосом пела немка. Есть какой-то секрет в колыбельных. Они пугают («Придет серенький волчок»). Об этом еще Федерико Гарсиа Лорка писал, анализируя испанские колыбельные. Они пугают – а потому лежи тихо, не шевелись (и тем самым не заметишь, как уснешь). Колыбельные монотонны, привычны, ожидаемы, но дети любят ритмическую жизнь, они те еще пуристы (попробуй не выполни часть того или иного ритуала!).

Но мы говорим сейчас не о «колыбельном» возрасте, а о детях постарше. Когда лучше петь? Мы пели, когда я гладила пеленки, а старший внук подпевал, трогал теплое белье и слушал сопение маленького. Но больше всего и чаще всего пелось, когда малыш сидел на качелях. Качаться вообще полезно, об этом сейчас много пишут: развивается вестибулярный аппарат, совершенствуется координация движений. Но качаться подолгу скучновато, а под песню – «самое то». Мелькают в пролете коридора детские качели сначала под одну песню, потом под другую. Под взрослую, под грустную, под придуманную, под... под... Накачались – напелись. Когда у детей неторопливая игра, без беготни и «безобразий», тогда тоже хорошо поется. Но вот выбор песни – дело тонкое, «иррациональное». В романе Георгия Семенова «Чертовое колесо» есть фрагмент о женщинах, «замызганных и грязных», но выво-

дивших слова песни «с таким чудесным напряжением чувства, так струились всей душой в певучий звук своего голоса, о котором они и сами словно бы не догадывались минуту назад, что казалось, будто кто-то неведомый и возвышенно-чистый в помыслах и поступках объединял их всех в единой устремленности к вечной красоте. Рыболов даже просил иногда, если молчали они, чтобы спели, но редко они соглашались, как будто не от их воли зависела песня...».

В конце концов будем учитывать детские привязанности и уважать отказ от той или иной, некогда любимой мелодии. По большому счету, какая разница, что петь! Сам факт пения (см. выигрыши!) важнее «программы».

Почти одновременно с пением дети начинают по-своему цитировать песни: «Идет медведь по городЁ»; «Я проснулся сегодня рано. Баба, чао, баба, чао». Но ведь и мы, взрослые, часто говорим песенным языком.

Неплохо знакомить детей с песнями других народов – как переводными («Сулико»), так и исполняемыми на языке оригинала: «Иванко ты, Иванко, рубашка-вышиванка, высокий да стрункий...»; «Ніч яка місячна, зоряна, ясна...». Одно время самой любимой песней для нас стала литовская народная песня «Шел старик пахать весной, свою трубку взял с собою», короткий припев которой мы пели литовски.

Нам кажется, что музыка всюду. Но в этом шумовом, часто навязываемом нам пространстве надо выкраивать место и для своей песенной инициативы: петь то, на что сегодня, сейчас откликается душа. Не будем плохо отзываться о музыкальных занятиях в детском саду, об уроках пения в школе. Они есть, и это хорошо. И сколько учителей музыки стремятся к новым формам занятий, к приобщению детей к прекрасной музыке! Но согласимся, что этого, учебного, «официального», мало. Тем более современному, продвинутому дитяти. От него, дошкольника, совсем скоро «потребуется интеллект», и требования все возрастают, родители становятся все более честолюбивыми, и, чтобы все это выдержать, нужны сильные чувства, нужна здоровая психика, чему

весьма способствует незатейливое, «для себя» пение в семье.

В Древней Индии тело сравнивали с повозкой, ум – с кучером, вожжи – с силой воли, а эмоции – это в повозке тягловая сила, лошади, которые все и тянут, и вытнут. Но лошади-эмоции должны быть сильными (иначе далеко не уедешь!) и обученными (чтобы не боялись новых улиц!).

Вот мы и возвращаемся к тому, с чего начали: пение, песня – это работа эмоций, укрепление и воспитание эмоций, каждая песня – маленькая школа чувств, которая становится большой поддержкой на будущее, ведь песни у нас замечательные. Песня – это вообще знак того, что можно жить с удовольствием. Кто, если не поющий, научит этому?

Рекомендуемая литература

1. Балла О. Наша маленькая вечность // Знание – сила. 2008. № 9.
2. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: В 2 т. / Под ред. С.Г. Шулежковой. М.: АСТ; Астрель; Олимп, 2005.
3. Волошина С.В., Шадхан И.А. Контрольная для взрослых. Л.: Лениздат, 1981.
4. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы: Беседы о человеке в компании птиц и зверей: М.: Педагогика-Пресс, 1994.
5. Сарычева М. Китайская мама – европейским родителям: «Вы растите тупой и безынициативный планктон!» // Комсомольская правда. 2011. 3–10 февраля
6. Стиваковская А.С. Игра – это серьезно. М.: Педагогика, 1981.
7. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. Т. I; 2009. Т. II.

В. ХАРЧЕНКО,

доктор филологических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
русского языка,
филологический факультет,
Белгородский государственный
университет